Гаяне Аветисян

Эльфы и бабочки

В связке Вариных ключей появился новый, когда она поняла, что нашла, наконец, себе подходящую работу. Ключ заметно отличался от остальных продолговатым концом и сложной резьбой. Да и сама дверь, к которой Варя подходила каждое утро, была сделана под старину и вполне соответствовала дому, где когда-то жил и работал известный писатель. Теперь здесь был музей. Писатель оставил после себя множество незаконченных рукописей, писем, хранящихся в книжном шкафу – таком же старом, как и пожелтевшие письма. В доме было две комнаты и маленькая кухня. В кабинете – диван, кресла, письменный стол, книжный шкаф. Книги стояли на верхних полках, а рукописи и письма находились в обычных папках в нижней части шкафа. Многие письма были уже опубликованы, и Варя могла не доставать их из папки, а прочесть книгу о жизни писателя, лежащую на столе и написанную им же. Жизнь писателя казалась Варе такой же старинной, как и мебель в его кабинете. Другие люди, другие отношения, другие ценности. Проходя мимо большого овального зеркала, она представляла себя среди них, мысленно примеряя их наряды и прически. Варя подолгу рассматривала лица с фотографий и внимательно прочитывала письма, пытаясь угадать мысли, оставленные между строк навсегда. Она спешила сюда каждое утро, чтобы попасть в мир неизвестный и притягательный, огороженный дверью, ключи от которой могли доверить только ей одной. Во всем этом она видела знак судьбы; и ключ со сложной резьбой казался ей ключом к разгадке, которую она искала в письмах, как опытный графолог ищет характер в сложном почерке. В письмах пожелтевших, никому уже ненужных, распечатанных и прочитанных. Среди писем были неотправленные, неоконченные, неподписанные. Последние особенно волновали Варю, так как давали ей возможность пофантазировать. Кто эти люди, чьи имена остались неизвестными? И почему они остались в тени? Поклонники писателя? Как

распознать в письмах конкретного человека, его боль, печаль, радость или разочарование?

Варя по многу раз перечитывала все письма, и одно из них показалось ей загадочнее остальных. Неподписанное женское письмо на тонком прозрачном листочке, в нижнем углу которого была нарисована бабочка. Судя по этому листочку, можно было предположить, что бабочка что-то обозначает в символике, понятной только ей и ему. В своем письме она благодарила его за стихи, присланные ко дню рождения, и называла его добрым эльфом.

«Музыка занимает большую часть дня, но она не мешает мне быть рядом с Вами. Для обычных людей с их привычным мышлением мы разделены судьбой, но не для бога. Вы стали для меня добрым эльфом. Мы редко видимся, но Вы появляетесь тотчас же, стоит только мне о вас подумать. Наши души давно подружились, и я так рада, что этого никто не может увидеть. Я боюсь человеческой зависти; зависти, которая способна разрушить все».

Варе казалось, что она прикоснулась к чужой тайне. Прикоснулась, как прикоснулась бы к чужому тайнику, не зная, есть ли там драгоценности. И она стала сверять почерк письма с другими письмами, разбирать черновики; прочла всю переписку, напечатанную в книге, но не нашла ничего интересного. Будто этой женщины вовсе и не было. Тогда она стала внимательно прочитывать стихи, опубликованные в небольшом сборнике. Что-то подсказывало, что именно в этом томике стихов она найдет разгадку тому, что так ее взволновало. Разгадку она нашла на предпоследней странице. Всего четыре строчки.

«Ты бабочка для эльфа.
Для меня всего лишь призрачное счастье бытия,
Как среди нот безликих, нота та, что не звучит
Для тех, кто не услышит».

Конечно же, эти стихи были написаны ей. Но кто она? Его тайная любовь или женщина надуманной мечты? Почему счастье было призрачным? И что за неуслышанная нота?

Варя обрадовалась, как обрадовался бы частный сыщик в надежде получить приличный гонорар в поисках преступной связи. Но всякую ли тайную связь можно назвать преступной? В его воспоминаниях об этой женщине не было написано ни строчки. Толстая книга о жизни писателя была подобна неподошедшему дрожжевому тесту. В ней не было тайн, лишь только перечень событий и разноликое содружество близких ему людей. Книга лежала на самом видном месте – на письменном столе – и была доступна каждому, кто заходил в музей. Ее можно было перелистать, посмотреть фотографии: семейные, близких друзей, высокопоставленных чиновников, но среди них не было ни одной женщины, похожей на бабочку. И Варя снова и снова всматривалась в женские лица, пытаясь угадать в них лишь одно.

* * *

Весна наступила стремительно, застав Варю врасплох. Она была так занята собственными мыслями, что с удивлением посмотрела на веточку мимозы, оставленную кем-то из посетителей. В музей заходили чаще из любопытства, и только немногие были знакомы с семьей писателя. Варя не запомнила, кто именно принес цветы. Она заметила их только после того, как ушли посетители. Хотела наполнить водой хрустальную вазу, но передумала и достала из книжного шкафа другую – китайскую – предмет антикварной роскоши. Ваза голубого цвета напомнила Варе ее далекое детство, пианино с белыми слониками на счастье, и ее мысли ухватились за прошлое, в котором время остановилось, как в старом календаре.

Всю жизнь Варей владела страсть к старинным вещам, которую не разделяли ни близкие, ни друзья. Маленькой, она заходила в магазин антиквариата, где находилось множество чуть запыленных красивых вещей, и подолгу любовалась ими, как любуются драгоценными камнями в ювелирном магазине.

Учительница музыки, к которой она приходила два раза в неделю, жила рядом с магазином в одноэтажном доме с маленьким двориком, засаженным кустами жасмина и роз. Варя занималась музыкой по настоянию строгого отца, и самые скучные гаммы старательно разучивались дома лишь для того, чтобы после притронуться к старинному роялю учительницы. Рояль одиноко стоял посреди большой светлой комнаты с тюлевыми занавесками на окнах, так как комната не была обставлена мебелью. Несколько картин на стенах, в углу – маленький круглый стол на трех изогнутых ножках и кресло с бахромой. И оттого, что комната была пустой, старинные вальсы звучали легко, наполняя ее красивой мелодией. Учительницу музыки звали Еленой Георгиевной. Женщина средних лет, с чуть поседевшими светло-русыми волосами и светло-карими глазами одевалась всегда нарядно и душилась духами, запах которых напоминал Варе жасмин, цветущий у калитки. Поэтому, уходя домой, Варя не сразу открывала калитку, а только чуть погодя, немного постояв возле пахучих цветов жасмина.

Елена Георгиевна была человеком спокойным. Она не ругала Варю за то, что та часто сутулилась, не расслабляла рук или скрещивала ноги под роялем, а только аккуратным почерком записывала в дневнике все свои замечания. И Варя старалась все исправить. Ей не хотелось расставаться со своей любимой учительницей, старым роялем и магазином антиквариата, куда можно было заглянуть на несколько минут. Когда-то нарядный дом учительницы притягивал Варю все равно, что магнит. Дом был как бы продолжением магазина, где продавались редкие дорогие вещи. Елена Георгиевна не только казалась особенной, но и все, что окружало ее, было так не похоже на будничную суетливую жизнь работающего города. Она жила одиноко, и ее одиночество было очень привлекательным. Всегда ухоженная, опрятно закрытая накрахмаленными белыми воротничками или кружевами; она заметно отличалась от многих других женщин. Глаза Елены Георгиевны, будто золотые солнечные лучики, согревали все, к чему бы они ни прикасались. К картине ли на стене, к бархатной ли шкатулке на круглом

столике или к раскрытой нотной книге. Она порой задерживала взгляд на шкатулке дольше обычного, и в эти минуты какие-то тайные мысли наполняли его светящейся нежностью.

Почему Варино сознание нырнуло так глубоко, и образ учительницы музыки появился рядом с веточкой мимозы? Она подошла к окну, раздвинула шторы, посмотрела на тусклые окна, чуть пропускающие яркий весенний свет, и поставила китайскую вазу обратно в шкаф.

* * *

Домой Варя возвращалась с зеленой веточкой мимозы. Она неторопливо шла в сторону метро, специально придерживая шаг. Дома ее никто не ждал. Сидя на жестком сиденье электрички, она почему-то пропустила свою остановку и вышла только на предпоследней.

Варя посмотрела на зеленеющие деревья, промокшего от дождя воробушка, потом прошла еще два квартала и оказалась перед огромным газетным киоском, пестреющим разноцветными обложками журналов. Она выбрала самый яркий и стала разглядывать свадебную фотографию на обложке журнала. Платье невесты было сплошь из тонких кружев. Варя задержала свой взгляд на нем и уже хотела положить журнал на место, как вдруг в окошке появилась седеющая голова.

– Возьмите. Журнал особенный. Мы только сегодня получили. У нас такие не издаются. Здесь и советы очень хорошие, и астрологический прогноз на все случаи жизни, и японские кроссворды. И про интим, конечно,– без этого сейчас никак. Газеты брать будем?

Варя не собиралась ничего покупать, но вместо того чтобы отойти от киоска – достала из сумки деньги и протянула их продавщице.

– И еще вот это,– продавщица протянула газетный вкладыш, составленный из объявлений.

– Сейчас все продают свое нажитое, точнее наворованное. Сплошной антиквариат. И вам что-нибудь, да и пригодится.

Домой Варя шла обычной дорогой. От остановки метро надо было пройти маленький сквер с песочницей и детскими качелями, потом повернуть налево и пропустить три дома. Следующим был дом с железными воротами, за которым росло абрикосовое дерево. Дерево выросло из случайно брошенной абрикосовой косточки. Оно простояло несколько лет одиноко, за изгородью, пока рядом с ним не был построен дом мастера Дро.

Дро был редким человеком. Талантливым, казалось, во всем. Он одинаково искусно готовил шашлык и выделывал тонким узором золото. Выбрав себе ремесло ювелира, он ни разу об этом не пожалел. Если в городе намечалась богатая свадьба, то сваты жениха спешили именно сюда, а потом уже в дом невесты. И невеста знала, что украшения, сделанные мастером Дро,– единственные в своем исполнении. Он любил свою работу еще и потому, что мог при случае сказать: «Пусть наши армянские невесты будут самыми красивыми и счастливыми. Моя семья родом из Западной Армении, с озера Ван. В тот день, когда нам пришлось покинуть родные места, наши соседи выдавали замуж свою единственную дочь. Девушка была очень красивой…»В этом месте он обычно замолкал и прятал глаза. Никто ни разу так и не услышал ничего более об этой свадьбе, но все понимали, что молчание Дро было сильнее слов, которых он не мог выговорить.

Теперь в этом доме жила Варя. Дом сильно изменился с тех пор, как был продан своим хозяином, хотя и назывался по-прежнему домом мастера Дро.

С самого детства Варя была предоставлена самой себе. Родители, артисты цирка, часто гастролировали, а приходящая домработница появлялась только по вторникам и субботам. Добросовестно выполняя свою работу, она баловала Варю, жалела ее, думая, что девочка тоскует по родителям и очень переживала, что не может ей их заменить. Пока Варя разучивала новые музыкальные пьесы, на блестящей клеенке кухонного стола незаметно появлялись то воздушный яблочный пирог, то вишневый шоколадный торт, то творожные печенья. Старые носовые платки были быстро заменены на кружевные; одежда регулярно простирывалась и тщательно отутюживалась,

придавая девочке опрятный вид. Когда Варя окончила школу, домработница больше не приходила, и Варе приходилось самой делать всю домашнюю работу. У нее плохо получалось то, что ежедневно делали тысячи женщин. Она сердилась, когда подгорала лепешка, предназначенная для пирога, плохо взбивались яичные белки, а белое белье, замоченное вместе с цветным, покрывалось линялыми пятнами. К третьему курсу обучения на филологическом факультете университета, Варя поняла, что домашний труд – самый сложный и вмещает в себя несколько профессий одновременно: повара, прачки, гладильщицы, посудомойщицы и другие. Вначале она еще доставала толстую тетрадь с кулинарными рецептами и всевозможными полезными советами, оставленными на память домработницей. Но со временем поняла, что ей не хватает таланта и, с присущей ей легкостью, перестала думать о вкусной еде и накрахмаленных платках. Ей больше нравилось ездить на природу, гулять под дождем или встречать рассвет. Природа казалась более совершенной в отличие от людей с их непостоянством чувств, мыслей и желаний. Она не зачитывалась красивыми романами, предпочитая им коротенькие новеллы, где горькая правда жизни могла изящно уместиться в миниатюрной жанровой сцене. Вот почему Варя ухватилась за эту загадочную историю с бабочкой. Историю, которая могла стать тоже коротенькой новеллой.

* * *

Дома Варю ожидало приятное известие – сразу два письма. Почтальон не стал дожидаться Варю, и почтовые конверты застряли в дверной щели. Всякий раз, получая письма, Варя с удивлением рассматривала наклеенные марки. Ее родные и друзья жили далеко, а она у себя на родине – такой изменчивой и малоузнаваемой. Она не понимала, что же означает жить у себя на родине без родных и друзей. И таких, как она, становилось все больше. Им присылали письма, деньги, приезжали погостить.

Год назад сын соседки приехал навестить мать и сестру. Мальчик был невезучим прямо с колыбели. Плохо учился в школе, потом работал грузчиком

– опять же плохо. Ходил бледный и скрюченный. Мать часто говорила: «Невезучий ты у меня. Поступил бы в какую-нибудь партию. Не можешь работать, так хоть говорить научись». Он не стал поступать в партию, а предпочел ей людей, попавших в темный тоннель. В поисках света они искали тот огромный рынок сбыта, где можно было продать талант, природную смекалку и трудолюбие. У него ничего этого не было, и он мог предложить только свое невезение. Оно и привело его в Мексику. На родину приехал в мексиканской шляпе, загорелый, с отросшими волосами – хоть косы заплетай. По такому случаю мать устроила шикарное угощение. Ее сын, ее невезучий мальчик живет в Мексике! Она по-настоящему была счастлива и не спрашивала его о том, чем же он там занимается без знания языка и профессии; добрые ли люди его окружают, не обижают ли, скучает ли по дому. Она не задавала ему лишних вопросов. А через неделю провожала его, улыбаясь. Она знала, что вдали от родины у него есть то, что неспособна дать сыну даже его родная мать – везение.

Получая письма, Варя внимательно разглядывала марки. В этих чужих городах, оказывается, жили везучие люди. Письмо из Марселя было коротеньким: родители живы-здоровы, работают; получила ли Варя деньги? Из Праги – начинено приторной меланхолией. В новой жизни подруги не осталось ничего от прошлого. Новые города не помнят твоих обид, новые друзья не предают, а к новому языку и порядкам можно привыкнуть. Можно переписать свою биографию, и тебе поверят. Если же ты не можешь с чем-то смириться – лучше уехать куда-нибудь далеко. Новые декорации – проверенное лекарство от землетрясений, войн и социальных перемен.

Варя отложила письма и стала перелистывать журнал. На предпоследней странице была помещена коллекция бабочек. Варя улыбнулась. Она вспомнила стихи – «Ты бабочка для эльфа». Да, действительно, бабочки красивы. Женщина, которой была посвящена эта строчка, казалась ей изящной, грациозной и незащищенной, как бабочка. В газетном вкладыше было много разных объявлений. Предлагали «антиквариат»,– как выразилась

продавщица киоска. Старинный рояль по такому-то адресу привлек Варино внимание. Адрес показался знакомым. Улицу она знала хорошо. Когда-то здесь жила учительница музыки. Неужели это был тот самый рояль?

Варю встревожило газетное объявление. Какое странное совпадение! Ведь она только утром вспоминала Елену Георгиевну. Проверить адрес было просто. В самой отдаленной комнате дома, всегда закрытой, собралось много ненужного хлама, который не выбрасывался из-за того, что со временем мог пригодиться. Он накапливался годами, и здесь были вещи мастера Дро. Среди прочего хлама были и старые записные книжки. Варя достала ключ из серванта и прошла по застекленной веранде, чтобы спуститься в сад. Только оттуда можно было попасть в эту комнату. Проходя мимо абрикосового дерева, она увидела бабочку, сидящую на бело-розовом цветке. Бабочка вспорхнула и подлетела к комнатной двери. Она спокойно сидела на двери, пока Варя открывала ее, а потом влетела в комнату и села на большую коробку из-под печенья. Варя не стала подходить к коробке, чтобы не спугнуть бабочку. Ей было приятно присутствие маленького живого существа в этой запыленной комнате. Перебирая старые вещи, она с удивлением рассматривала их так, как если бы могла услышать от них занятные истории о своих хозяевах. Коробку из-под печенья она раскрыла последней, заметив с сожалением, что бабочка уже улетела. В ней были старые письма, открытки, фотографии, записная книжка, дневник, ноты и детские рисунки.

Варя с интересом стала листать дневник, отметив про себя красивый почерк учительницы. В середине она обнаружила листок из прозрачной бумаги, сложенный вчетверо. На ней тем же почерком было написано – «Чайковский. Времена года». Варе показалось, что она уже где-то видела такой же листок. Только вот где? На обложке дневника был записан адрес учительницы. Адрес был тот же, что и в газетном объявлении. Продавался рояль, к которому прикасались и Варины руки. Она помнила то детское восхищение, когда, нажимая на клавиши, слышала мелодию рояля. Ей захотелось подойти к нему, перебрать клавиши, оказаться в доме, где она училась урокам музыки.

Взяв с собой тоненький листочек, она поднялась наверх и подошла к телефону. Она только спросит, можно ли прийти посмотреть рояль. «Да, конечно можно»,– мужской голос в телефонной трубке оказался приветливым, и Варя заговорила с ним так, как если бы знала его давно. Он не был знаком с хозяйкой дома? Жаль, ей хотелось бы что-нибудь о ней узнать. Дом продавали родственники? Они ничего не забрали из вещей, и теперь новый хозяин дома их продает? Да, в воскресенье утром она зайдет посмотреть рояль.

После разговора с незнакомым человеком она почувствовала страх. Ей предстоит встретиться со своим детством. Как давно это было? Варя взяла листочек прозрачной бумаги и призадумалась. Ведь этому листочку, наверное, будет лет двадцать. И она снова подумала о том, что где-то уже видела точно такой же листочек.

* * *

В пятницу с утра, как обычно, Варя стояла возле дверей музея. Она неторопливо вошла в дом, проверила все ли в порядке и только потом подошла к большому зеркалу. Сегодня в музее, со слов Нины – единственной родственницы писателя, которая всегда предупреждала Варю о предстоящих визитах заранее, должны были появиться важные гости из Америки. Наверное, кто-нибудь из тех, кто знал писателя еще при жизни. Хорошо бы! Знакомые писателя делились своими воспоминаниями, даже не подозревая, что их внимательно слушают Варины уши, а ее мозг запоминает все до мелочей, чтобы потом заняться дедукцией. Ей хотелось, как можно скорее закончить свое расследование. И она по крупиночкам собирала все, что как-то могло коснуться тайны писателя, о которой, возможно, никто даже не догадывался.

В мыслях своих она уже начинала писать новеллу и отчетливо видела героев, идущих рядышком. Их чувственность, внезапно появившись, загорелась от нежного пламени свечи, зажженной в светлом храме. Свеча горела медленно, оставляя возле себя расплавленный воск с сюжетом, запутанным или простым – предстояло еще разгадать.

Варя, убедившись в своей привлекательности, отошла от зеркала, посмотрела на часы и прошла на кухню. Кофеварка красного цвета и такие же чашечки лежали на столе. Рядом стояли какие-то пакеты. Это Нина предусмотрительно завезла их с вечера: кофе самого лучшего качества, домашняя выпечка и ликер. Варе захотелось развернуть пакет, от которого исходил соблазнительный запах ванили, но услышав голоса в прихожей, она вернулась в гостиную. Гостями оказалась милая пожилая супружеская пара. Мужчина первым протянул руку Варе.

– Зовите меня просто Джон. На самом деле у меня длинное имя. А это моя жена Белла. Когда-то, давным-давно, мы очень хорошо знали этот дом. Тогда он был шумным, говорливым, веселым. Теперь здесь музей, а вы, стало быть, хранительница всего этого?

Гостья из Америки держала в руках огромный букет бело-розовых роз.

– Мы с Джоном не были здесь тридцать лет. Как быстро пролетело время! Вот здесь стоял рояль, и Джон играл для всех нас. Нина, а где же рояль?

Пожилая дама растерянно посмотрела вокруг себя, потом прошла в следующую комнату и оттуда на кухню, где Нина набирала воду в хрустальную вазу для нежных роз.

Джон тем временем разглядывал фотографии на стене. Варя стояла совсем близко и могла наблюдать за ним.

– Вот здесь мы с Бэллой. Хорошие были времена. Вас, наверное, удивляют такие вот снимки. Они кажутся старомодными и неестественными из-за большого количества людей? Вы обратили внимание на лица? У всех счастливые лица. Какие-то просветленные. Время было другим. О нем сейчас говорят очень плохо, и говорят те, кто толком ничего не знает. Люди же со старых фотографий попали уже в другое измерение и способны опровергнуть какую-либо несправедливость только знаком, который всегда с трудом распознается.

Джон рассматривал фотографии одну за другой, будто искал кого-то. Потом попросил показать старый альбом. Быстро пролистав страницы, он

остановился на одной фотографии – курортный снимок, Карловы Вары. На снимке было несколько человек.

– Этот снимок сделан мною. Тогда я только учился фотографировать и боялся, что ничего не получится. Мне очень хотелось сфотографировать одну девушку. Она отдыхала с нами в пансионате, а жила в Праге. Вот посмотрите, вот она.

Джон повернул фотографию так, чтобы Варя могла ее разглядеть.

– Правда, хороша? Просто ангел. Я влюбился мгновенно, как это и бывает. Познакомились очень забавно: она стояла возле фонтанчика и ела мороженое, когда я проходил мимо. Я подошел к ней и, неожиданно для самого себя, предложил подержать мороженое, чтобы она выпила воду из фонтана; мое предложение ее очень рассмешило – так мы и познакомились. Естественно, через несколько дней надо было привлечь ее внимание чем-то возвышенным, и я решил подарить ей открытку со стихами. Я выбрал, как мне показалось, самые нежные и назвал их своими – «Ты бабочка для эльфа…» Вам они, наверное, знакомы?

Варя кивнула.

– Мои родители были близки с семьей писателя, и в то лето мы отдыхали все вместе. Конечно, вся эта авантюра со стихами быстро раскрылась, но благодаря именно ей чудесная девушка Яна иногда появлялась в нашей компании. На самом деле я далек от поэзии. Я музыкант. Играю на скрипке и рояле. Яна через две недели уехала в Прагу с автографом писателя и единственным сборником его стихов, а мне осталась только ее фотография. Когда уезжал в Америку ничего с собой не взял – думал, что в новой жизни будут новые радости. Вы, наверное, не поверите, но эта девушка оставила о себе память, которую не смогло стереть даже время. Вот так вот эта фотография попала в альбом. Я могу ее взять?

Варя растерянно посмотрела на фотографию:

– Конечно можно, но только об этом лучше сказать Нине.

Джон заговорчески улыбнулся.

– Нет, Нине мы говорить ничего не будем. Это будет наша с вами тайна.

– Тайна? – Варе показалось, что это и есть тот самый знак, о котором говорил Джон.—

Я никому не расскажу о том, что Вы взяли фотографию. Только и мне хотелось бы вот о чем вас расспросить. Кому были посвящены стихи о бабочке? Вы, наверное, знаете?

– Бабочке? – Варин вопрос явно застал Джона врасплох. Он ответил не сразу, а лишь немного погодя, прищурив глаза и как-то странно посмотрев на Варю.

– Была женщина, которая никогда не появлялась в этом доме в отличие от множества людей, самых разных по воспитанию и происхождению. Писатель не был горделивым, и его обожали поклонницы. Но вместе с тем у него была тайна, в которую он никого не посвящал. Он, как мне кажется, любил только одну женщину, которая была ему очень дорога, и которую он боялся потерять. Знаете, людская молва разбила не одно любящее сердце. Люди ведь очень жестоки, когда чье-то счастье не вмещается в их заскорузлое сознание. Вы слишком молоды, чтобы понять то, о чем я говорю. Все это горько сознавать, но это действительно так. Да, все свои стихи он посвящал ей, других он просто не писал. Ведь он прозаик, и стихов у него – маленький сборник.

– Вы знали эту женщину? Знали ее имя или как она выглядит?

– Нет, имени ее я не знал и никогда не видел. Знал только то, что она была как-то связана с музыкой. Быть может, пианистка. В этой комнате действительно стоял рояль. Когда собирались гости, я обычно наигрывал какую-нибудь мелодию, чтобы развлечь друзей писателя. Шопен, Рахманинов, Чайковский нравились ему больше, чем современная песенная музыка. Когда я играл Листа, его «Рапсодию», он подходил к роялю и с какой-то нежной тоской смотрел на клавиши. Мне казалось, что в эти минуты он видел только ее. Не удивляюсь тому, что рояль продан. Ревность заставляет людей совершать самые необдуманные поступки. Этот рояль напоминал всем о ней. Она для всех оставалась невидимкой, и ее реальное отсутствие вызывало

необъяснимую ревность у родных и друзей. Всем хотелось сплетен, но кроме музыки и стихов она им ничего не оставила.

Джон хотел еще что-то сказать, но в эту минуту в комнате появилась Белла.

– Я приготовила кофе так, как готовят только американцы. Неужели вы не хотите его попробовать?

И, посмотрев на раскрытый альбом, добавила:

– Ты становишься сентиментальным в поисках своей утраченной молодости.

Она не стала разглядывать фотографию, а только обратной стороной положила ее в альбом, закрыла его и передала Варе.

Джон встал, смеясь и протестуя.

– Я уже столько раз это слышал. Пойдемте, Варя, кофе – лучшее средство от сентиментальности.

Маленький столик на застекленной веранде был уже накрыт и стоял между диваном и двумя креслами. Варя села на край дивана, в самый его угол. Сюда приглашали только близких, и поэтому музей на какое-то время закрывался. Кофепитие располагало к доверительным разговорам, и Варя приготовилась к тому, что ее память, подобно губке, начнет впитывать все то, что может показаться интересным. Надо было только все запомнить.

* * *

Вечером, сидя в кресле у себя дома, Варя спокойно приводила свои мысли в порядок. Она сделала несколько заметок в блокноте и теперь пыталась обобщить услышанное. Джон рассказал ей о женщине, которая оставила вместо сплетен о себе только стихи и музыку. Как интересно он выразил свою мысль. Еще он говорил о ревности. Значит, женщина была реальной, а не вымышленным образом. Иначе зачем было ее ревновать? И если писатель скрывал свои чувства, то выдать их могли только ее письма. Конечно, письма. Вероятно, они были прочитаны кем-то еще. Одно письмо сохранилось. Это был тот самый листочек с нарисованной бабочкой. А где же остальные?

Варя порылась в сумке, чтобы достать эту единственную улику, но вместо нее достала листочек, который нашла в коробке из-под печенья. Она развернула

его и прочитала: «Чайковский. Времена года». Нет, не то. Из внутреннего кармашка она достала другой листочек, который взволновал ее сразу же, как только она его увидела. Два листка лежали рядом, как одно целое. Та же бумага, тот же красивый, аккуратный почерк. Совпадение? Что говорил Джон? Она была как-то связана с музыкой? Странные сомнения закрались в Варину душу. Она еще раз сверила почерк и призадумалась. Попыталась вспомнить уроки музыки, комнату, где стоял рояль. Возможно, одна маленькая деталь что-то и прояснит. Ведь кто-то же приходил к Елене Георгиевне, и Варя должна была запомнить хотя бы какие-то лица. Но эти лица были размыты ушедшим временем, и образ учительницы музыки заслонял их прозрачным светом Вариного детства.

Весь следующий субботний день Варя провела за городом, чтобы больше не думать о тайне, ей не принадлежащей. Только на природе вместе с воздухом, напоенным ароматами пришедшей весны, она почувствовала себя абсолютно свободной. И в воскресенье утром, счастливая и немного взволнованная, Варя открывала калитку, за которой, как и прежде, цвели кусты жасмина и роз. Как давно она здесь не была!

Двери дома были распахнуты, и на пороге стоял зеленоглазый мужчина, лет тридцати пяти, в светло-зеленой спортивке. Он удивленно посмотрел на Варю, потом, что-то вспомнив, жестом руки пригласил ее в дом.

– Хорошо, что вы меня застали. Я собирался на утреннюю пробежку. Знаете, никак не могу заставить себя вставать рано, этак часиков в шесть, семь. Люблю поспать в утренние часы. А вы не бегаете по утрам? Может быть, составите компанию? Потом попьем кофейку. Я его привез из Кубы. Вы ведь не торопитесь?

Варя хотела сказать, что нет ей никакого дела до утренних пробежек нахального молодого человека, но не стала грубить, а только резко ответила:

– Тороплюсь.

Зеленые глаза улыбнулись, потом стали такими же строгими, как и Варины карие.

Варя прошла в гостиную, где стоял старый рояль учительницы, подошла к нему, набрала несколько аккордов на память и, повернувшись к незнакомцу, сказала:

– Это рояль моей учительницы. В детстве я приходила сюда заниматься музыкой. Ваше объявление я увидела в газете. Случайно, потому что не читаю газет. У Елены Георгиевны не было родных, и вот теперь вы стали хозяином дома и продаете этот рояль?

Зеленые глаза снова улыбнулись.

– Случайное объявление в газете? Думаю, что это не совсем так.

Я ведь сразу заметил, что вы чем-то встревожены, будто ищите что-то важное для себя. Угадал? Вас как зовут?

– Варя.

– А меня Роберт. Хотите холодный сок? Сейчас принесу.

Варя осталась одна в гостиной. Здесь почти ничего не изменилось, будто и не было этих двадцати лет. Только со стен исчезли картины и большой портрет Елены Георгиевны. Те же кресла, тот же маленький столик с изогнутыми ножками.

Роберт принес сок и сел напротив Вари.

– Я ведь не ради денег продаю все это. Мне нужно освободить дом от любой вещички, чтобы начать ремонт. Я хочу здесь все перестроить под офис. Хотим создать корпоративное сообщество.

Варя кивнула головой в знак согласия, будто представляла чьи-то интересы на переговорах, затем, повернувшись в сторону соседней комнаты, спросила:

– А что еще осталось из вещей? Может быть, какие-нибудь письма?

– Письма? Не знаю,– Роберт пожал плечами.

– Остались книги, и всякая другая мелочь, возможно, и письма. Надо посмотреть.

Он провел Варю в соседнюю комнату, где в коробках лежали собранные вещи, а на подоконнике – стопка книг. Варя наугад взяла маленький томик со стихами. Книга была подписана самим автором.

К большому удивлению Роберта, девушка вдруг засуетилась, положив книгу в сумку, и поблагодарив за сок, мгновенно исчезла за дверью, пообещав, что непременно зайдет через день, чтобы приобрести рояль.

Роберт так и остался стоять на пороге дома до тех пор, пока странная девушка совсем не исчезла за калиткой сада. Посмотрев на часы и поняв, что потерял тридцать минут драгоценного утреннего времени, он не стал перегружать психику ненужной информацией, чтобы не дать ей «зависнуть», как перегруженный компьютер, а лишь закрыл двери и, обогнув дом, побежал по узкой улочке, ведущей к зеленому парку. В конце концов, девушка пообещала прийти еще раз.

* * *

Тем временем Варя торопилась в музей. В книге с дарственной надписью она обнаружила два исписанных листка. Она бы ни за что не стала читать их в доме своей учительницы, да еще и при свидетеле, так как считала эту тайну только своей. Любопытство ускорило ее шаги, и очень скоро она прочитала, наконец, долгожданное письмо-улику. Вначале наспех, лишь для того, чтобы убедиться в том, что не ошиблась, потом стала перечитывать так внимательно, будто сама получила это долгожданное теплое письмо, письмо родному человеку.

В мемуарах не было ни одной фотографии, ни одного воспоминания об этой женщине. Но почему?

Она снова перелистала толстую книгу о жизни писателя и с какой-то неприязнью стала рассматривать женские лица. Варя представила их здесь, возле рояля, перешептывающихся в злобной ревности. Теперь никого из них уже нет, а если кто и остался, то вряд ли вспоминает учительницу музыки, жившую в тихом доме на окраине города. Нет и самого рояля. Варю вдруг осенила чудесная мысль. Почему бы рояль Елены Георгиевны не перетащить сюда? И это надо сделать сию же минуту, чтобы никто другой не смог бы его перекупить.

Через час Варя снова стояла на пороге дома учительницы. Она, не раздумывая, вошла в прихожую и, столкнувшись с Робертом, спокойно сказала:

– Помогите мне перетащить этот рояль в музей, где я работаю. Это очень важно, поверьте. Деньги я заплачу.

Роберт не очень удивился ее появлению, но последняя фраза, видно, ему не понравилась и он, сделав притворно-озабоченное лицо, ответил:

– Перетащить? Вдвоем? Вы думаете, что этот рояль такой же легкий, как и бабочка?

Произнося слово «бабочка», он заговорчески посмотрел на Варю.

Варя не растерялась.

– При чем тут бабочка! Я только хотела попросить вас помочь мне организовать перевозку рояля,– произнесла она уверенно, но сама подумала о другом. Неужели он что-то знает?

– Хорошо, хорошо, я вам помогу, если вы мне расскажите, наконец, за кем мы гонимся и кого ищем.

– Я не могу вам рассказать свою тайну.

– Тайну? Однако как много тайн вокруг одного томика малоизвестных стихов. Ведь вы нашли то, что хотели? Верно?

– Да. А как вы догадались?

– Обладаю телепатическими способностями. Ваше поведение вызывает множество вопросов.

– Каких?

– Вы работаете в музее писателя?

– Да.

– Знали его лично?

– Нет.

– Ищите наследников?

– Никого я не ищу.

Варя сделала обиженное лицо.

– Хорошо. Оставьте адрес музея и свой телефон. Я все организую сам.

Роберт первым протянул руку, чтобы попрощаться, так как не привык к длительным деловым переговорам.

Варя осталась довольна тем, как складно все получилось. Ей ничего не придется предпринимать.

Во вторник к полудню рояль привезли в музей. Его установили на месте старого возле окна. Варя вся светилась, будто нашла утерянную драгоценность.

Роберт, напротив, был серьезен и молчалив. Он ни о чем не расспрашивал Варю, а только внимательно рассматривал старый семейный альбом. На одной фотографии его зеленые глаза остановились, и он показал ее Варе.

– Эта фотография мне хорошо знакома. Точно такая же стояла на нашем комоде в рамке из плотного картона. Сейчас такие рамки уже не делают. Это Карловы Вары. Моей маме здесь девятнадцать. Она была знакома с писателем, который подарил ей вот этот томик стихов. Знаете, я ведь не случайно оказался в этом музее.

Варя замерла. Она не ожидала такого поворота событий. Девушку с фотографии показывал ей Джон и говорил, что зовут ее Яной.

– Значит, ваша мама была знакома с писателем?

– Да, была знакома. Более того, они какое-то время переписывались, потом неожиданно мама появляется в этом городе. И знаете, у кого она останавливается? Не догадываетесь? У Елены Георгиевны.

Варя растерянно посмотрела на фотографию. Что он еще знает? Может быть, спросить о Джоне? Нет, пусть расскажет все сам.

– Они подружились? Расскажите. Мне все интересно. Я ведь очень любила свою учительницу, даже старалась ей во всем подражать. Она была необыкновенно хороша собой.

– Возможно, но я не так много знаю, как вам показалось. Мама не любила рассказывать о себе, о своих друзьях. У нее был золотой кулон, покрытый мелкими бриллиантами, подаренный Еленой Георгиевной. Кулон был похож на бабочку. По рассказам мамы, у Елены Георгиевны была большая коллекция

редких украшений, выполненная одним известным ювелиром. Имени его я не знаю, но он был известен всему городу.

– Да, это действительно так. Его звали Дро. У него многие заказывали свои украшения.

– Заказывали? Эта коллекция украшений была подарена Елене Георгиевне. Подарена самим ювелиром. Вам это ни о чем не говорит? И знаете, что интересно? Многие из украшений были выполнены в форме бабочек.

Варя слушала Роберта, и ее тайна, которую она бережно хранила в своей душе, казалась ей уже маленькой и незначительной. Как многого, оказывается, она не знала. Ведь она живет в доме ювелира Дро, там, где много лет назад рождалась коллекция украшений, обрамленных миниатюрными бабочками. Варя вспомнила бархатную шкатулку учительницы, лежащую на маленьком столике. Ей захотелось рассказать о Джоне, возможно, он заинтересует Роберта, но она не стала этого делать. Она только спросила, знает ли он, кем был сделан этот пожелтевший снимок? Нет, этого он не знал. Не знал? Но почему?

Они проговорили еще с час, потом Роберт ушел, сославшись на срочные дела. Варя осталась одна. Она никак не могла привести свои мысли в порядок. Ей не хотелось больше думать о том, что еще совсем недавно поглощало все ее свободное время. То, что она искала, опять потерялось. Нити, казавшиеся такими прочными, вдруг оборвались. Чужое прошлое не вернулось, оставив Варе всего лишь несколько неразгаданных тайн.

* * *

К концу мая возле музея появились новые клумбы, разукрашенные яркими бутонами. К цветам никто не подходил, ими любовались издали. И только несколько бабочек, подлетая, нежно прикасались к лепесткам. За ними можно было наблюдать через тусклое оконное стекло.

Как-то Варя открыла окно настежь, чтобы бабочки смогли залететь внутрь, но они по-прежнему оставались возле цветов, беззаботно кружась и вальсируя. Варя стояла возле открытого окна, и ее вдруг безудержно потянуло на улицу.

Из старого мира вещей, огороженных чьим-то прошлым, никому уже не интересным, ей захотелось убежать, уйти в настоящее, которое находилось совсем рядом, всего лишь за окном. Мимо музея проходили люди, и никто из них не оглядывался назад.

Почему бы не найти новую работу? – подумала Варя и отчетливо представила себя в доме Елены Георгиевны, перестроенном под корпоративное сообщество, которое возглавит Роберт.

Существуют знаки судьбы, о которых говорил Джон. Их трудно распознать, потому что они прячутся в наших желаниях. Мы часто им не доверяем, отмахиваемся от них, суетимся и потом теряем. Их находит кто-то другой или вовсе никто не находит. А мы продолжаем жить привычной для нас жизнью.

Варя по-прежнему приходила в музей, и прежде чем открыть дверь, вытаскивала связку ключей, чтобы выбрать ключ с продолговатым концом и сложной резьбой. Но теперь, открывая дверь, она на какое-то время оставляла маленькую дверную щелочку. Через нее никому не удалось бы пройти. Разве что только пролететь.